

§3 ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Андреев А.Ф.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования являются проблемы правового обеспечения противодействия терроризму в Российской Федерации, которые автором определяются как внутренняя противоречивость, пробельность и не оптимальность действующей системы норм антитеррористического законодательства, детерминирующая регулирующее воздействие на общественные отношения в данной сфере. К их числу относятся несоответствие целей конечному результату, формы и содержания, пространственных и временных пределов действия правового режима КТО и ряд иных. Цель работы заключается в обосновании предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование механизма правового регулирования общественных отношений по противодействию терроризму. Методы исследования: анализ, синтез, системно-структурный, формально-логический, теоретико-прогностический, специально-юридический, толкование норм права. Научная новизна публикации заключается в уточнении целей, конкретизации порядка введения, согласовании пространственных и временных пределов действия правового режима контртеррористической операции, обеспечении его эластичности и корреляции содержания режимных мер с нормами УПК РФ, а также гармонизации элементов системы законодательства в сфере противодействия терроризму. Результаты работы имеют прикладной характер и могут быть использованы уполномоченными субъектами в деятельности по осуществлению законодательных инициатив.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, контртеррористическая операция, правовой режим КТО, террористический акт, пресечение (прекращение) теракта, раскрытие теракта, охраняемые законом интересы, правомерное причинение вреда, гармонизация законодательства.

Abstract. The subject of this research is the problems of providing legal countermeasures to terrorism in the Russian Federation, which the author defines as internal contradiction, gaps and inefficiency of current system

of norms of anti-terrorism legislation, which determines the regulatory influence upon the public regard of this sphere. They include discorrespondence of goals with the final result, forms and contents of the spatial and time boundaries of the action of legal regime of the counterterrorism operations, as well as number of others. The goal of this work consists in substantiation of the proposals and recommendations aimed at improving the mechanism of legal regulation of public relations on counterterrorism. The scientific novelty lies in specification of the goals, concretization of the order of introduction, and agreement of the space and time boundaries of the action of the legal regime of anti-terrorism operation, ensuring its elasticity and correlation of the content of the regime measures with the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, as well as harmonization of the elements of the legislative system in the sphere of counterterrorism.

Key words: Countermeasures to terrorism, Counterterrorism operation, Terrorist act, Legal regime of counterterrorism operation, Disruption of terrorist attack, Legally protected interests, Folding terrorism plans, Legal infliction of harm, Harmonization of legislation, Terrorism.

Терроризм во всех формах своего проявления чужд человеческой природе и отрицается мировым сообществом. Идеология терроризма и практика ее реализации представляют угрозу государственной и общественной безопасности Российской Федерации, что порождает необходимость совершенствования правового регулирования предупреждения терроризма и экстремизма и борьбы с такими явлениями [11, п. 44]. Противодействие терроризму осуществляется в режиме законности, требует «участия субъектов противодействия терроризму в развитии и совершенствовании нормативно-правовой базы» [5, п. 28].

Правовую основу противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон «О противодействии терроризму» [13, ст. 1146] и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти. Несомненно, что наличие данного правового поля требует постоянного мониторинга его состояния и в необходимых случаях гармонизации элементов системы правового регулирования противодействия терроризму.

Сравнительный анализ содержания норм статей 3,11,12,17 Федерального закона «О противодействии терроризму» (далее – Закон) выявляет их несовпадение по целям, объектам правовой охраны и защиты, субъектному составу. Обратимся

к первому основанию и сравним цели правового регулирования анализируемых статей.

А) Цель контртеррористической операции (п.5 ст.3):

- пресечение террористического акта,
- обезвреживание террористов,
- обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений,
- минимизация последствий террористического акта;

Б) Цель правового режима контртеррористической операции (ч.1 ст.11):

- пресечение террористического акта,
- раскрытие террористического акта,
- минимизация последствий террористического акта,
- защита жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В) Цель контртеррористической операции (ч.1 ст.12):

- пресечение террористического акта,

Г) Контртеррористическая операция считается оконченной в случае, если (ч.1 ст.17):

- террористический акт пресечен (прекращен),
- ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу и иным охраняемым законом интересам людей.

Таким образом, единые по своему целевому предназначению в механизме правового регулирования общественных отношений в борьбе с терроризмом нормы четырех статей (3,11,12,17) Закона **совпадают в части** (пресечения террористического акта и минимизации его последствий) и **различаются** (предусматривают самостоятельную цель), а, следовательно, и решение задач по ее достижению в части (обезвреживания террористов, обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений;

раскрытие террористического акта, защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства; ликвидации угрозы жизни, здоровью, имуществу и иным охраняемым законом интересам людей). Вытекающие из данных правовых предписаний последствия можно представить следующим образом.

Так, ч.1 ст. 12 Закона определяет условие, при наличии которого допускается проведение контртеррористической операции и, как нам представляется, применение соответствующего правового режима (ч.1 ст.11) «операция проводится для пресечения террористического акта, если его пресечение иными силами или способами невозможно». Норма-дефиниция ст.3 Закона устанавливает формат таких сил и способов пресечения террористического акта, а именно комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств.

Таким образом, контртеррористическая операция является *основной формой* пресечения теракта [5, п.23], одной из возможных форм, но не единственной. Выбор конкретных форм (сил и средств, способов и мероприятий, включая специальные режимы) зависит от уровня выявленных террористических угроз [5, п.22]. Рассмотрим следующую ситуацию. Террористический акт пресечен силами сотрудников органов ФСБ или полиции, без проведения контртеррористической операции и, соответственно, без объявления специального правового режима КТО. Будут ли в этом случае проводиться мероприятия по раскрытию данного террористического акта? Несомненно, да поскольку совершено тяжкое преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ. Очевидно, что раскрыть данное преступление необходимо и в том случае, если теракт пресечен в результате проведения КТО вне зависимости вводился ли при этом специальный правовой режим контртеррористической операции или нет. Однако такая цель как *раскрытие теракта* установлена исключительно в ст. 11 Закона, определяющего правовой режим КТО. Причем, как следует из содержания данной статьи раскрытие теракта не является самостоятельной целью правового режима КТО, а взаимосвязана с первичной целью – пресечение теракта.

Таким образом, *раскрытие теракта* никак не связано с *формой пресечения данного теракта* (без проведения контртеррористической операции, с использованием *комплекса мероприятий КТО* или *мер и временных ограничений* правового режима КТО).

Быть может раскрытие теракта связано с содержанием правового режима КТО? Тогда требуется определить каким образом специальные меры и ограничения (суть правового режима) влияют на достижение цели, установленной ст. 11 Закона – раскрытие теракта.

Следует признать, что законодатель использует формулировку понятия «раскрыть террористический акт», являющийся родовым понятием «раскрыть преступление». Правомерно в данном случае вести речь о раскрытии преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Однако в настоящее время в научном толковании понятия «раскрытие преступлений» и его содержания не существует общепринятой точки зрения. Более того, в теории и практике данное явление понимается неоднозначно.

Так, например, в криминалистике под раскрытием преступлений понимается «деятельность по расследованию преступления, направленная на получение информации, дающей основание для выдвижения версии о совершении преступления определенным лицом после того, как все иные взаимоисключающие ее версии будут проверены и отвергнуты» [2, с.182]. Аналогичной позиции придерживается Е.В. Смахтин: «с точки зрения криминалистики было бы уместным определять раскрытие преступления в тот момент, когда следовая картина напрямую свидетельствует об участии в совершении преступления конкретного лица» [10, с. 164]. Таким образом, с позиции криминалистической науки преступление считается раскрытым, когда установлено лицо, которое, по мнению правоохранительных органов, причастно к совершению преступления.

Специалисты в области оперативно-розыскной деятельности по-иному определяют понятие раскрытия преступлений и границы этой деятельности. «Самым распространенным направлением деятельности оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов, – указывает А.Н. Халиков, – является раскрытие преступлений, то есть установление в ходе расследования возбужденного уголовного дела лиц, (лица) совершивших преступление. Указанная работа путем проведения ОРМ осуществляется с момента обнаружения преступления и возбуждения уголовного дела до момента установления преступника и предъявления ему обвинения в совершении преступления» [15, с. 13].

Процессуальное понятие «раскрытие преступлений» еще шире раздвигает границы дан-

ной деятельности и связывается с определенным процессуальным решением по делу: предъявлением обвинения и привлечением лица к уголовной ответственности, завершением расследования и направлением дела в суд, вступлением обвинительного приговора в силу. «Поскольку выбор данного решения осуществляется директивно, – заключает Р.С. Белкин, – можно считать процессуальное понятие раскрытие преступлений чисто служебным, необходимым, например, для единообразного учета раскрытых преступлений или других подобных целей» [2, с.182-183].

И, наконец, суть последней правовой позиции в том, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, иначе, чем по приговору суда. Однако, возможен и оправдательный приговор, если в суде будет установлено, что лицо не совершало преступления, в котором оно обвинялось государством. Следовательно, действительный виновник государством не установлен и не привлечен к уголовной ответственности и, таким образом, преступление раскрытым считать нельзя до вступления приговора в законную силу [9].

Таким образом, раскрытие преступления (теракта) означает установление лица, которое причастно к совершению преступления, предусмотренного ст.205 УК РФ (*криминалистический аспект*), предъявление данному лицу обвинения в совершении преступления по ст. 205 УК РФ (*оперативно-розыскной аспект*), вступление в отношении данного лица обвинительного приговора суда в законную силу (*процессуальный аспект*).

Представленная нами теоретическая конструкция возможных криминалистических версий, процессуальных решений и оперативно-розыскных действий не согласуется с нормами ч.1 ст.11 и ч.1 ст.17 исследуемого Закона. Так, действие правового режима КТО ограничено временем проведения самой контртеррористической операцией. Причем, начало проведения КТО всегда предшествует введению правового режима данной КТО (ч.2 ст.12 Закона). Раскрыть преступление в указанные сроки (в период действия правового режима КТО) возможно только по горячим следам или в условиях очевидности, а именно когда на месте преступления имеется труп террориста-смертника. Однако если террорист-смертник является лишь средством доставки взрывных устройств, а теракт выполнял дублер (контролер), приводящий «адскую машину» при помощи дистанционного устройства, то его розыск, поимка, изобличение,

предъявление обвинения, привлечение к ответственности явно выходят за действия правового режима КТО. Более того, возможны случаи и приостановления уголовных дел на основании п.1 ч.1 ст.208 УПК РФ (за не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого). Об этом свидетельствуют архивные материалы о раскрываемости преступлений террористической направленности.

В 2002 году в производстве УФСБ по Республике Ингушетия находилось 15 уголовных дел, и в производстве следователей прокуратуры – 4 дела, возбужденных по ст. 205 УК РФ. Следователями УФСБ за 2002 г. 1 уголовное дело по обвинению Бекова и Чернобровкина направлено в суд, по делу вынесен обвинительный приговор. Производство предварительного следствия по 11 делам приостановлено за неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Прокуратурой Республики Ингушетия отменены как необоснованные постановления о приостановлении предварительного следствия по двум уголовным делам, которые с указаниями прокурора направлены для дополнительного расследования [14, с.102].

В 2001 году и 2002 году на территории Ставропольского края было возбуждено 6 уголовных дел по ст. 205 УК РФ, соответственно по 3 дела. Однако предварительное следствие по ним приостановлено, в связи с чем преступления остаются нераскрытыми [14, с.103].

Таким образом, *содержание правового режима КТО* (меры и временные ограничения), *допустимость их применения и пределы* (на период проведения КТО) ставят под сомнение достижение поставленной цели, как это определено ст. 11 Закона – раскрытие преступления (теракта). По сути своей *меры и временные ограничения* являются мерами административно-правового предупреждения и мерами административно-правового пресечения, они не могут подменять криминалистические, процессуальные и оперативно-розыскные средства раскрытия преступлений. Перечень применяемых мер и временных ограничений (ч.3 ст.11 Закона) является исчерпывающим, основан на степени общественной опасности террористического акта и в полной мере *обеспечивает условия, необходимые для эффективного проведения контртеррористической операции*. Лишь некоторые из этого перечня мер и ограничений способствуют решению задачи по *раскрытию преступления (теракта)*, создают для этого необходимые условия.

1. Например, проверка у физических лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае отсутствия таких документов – доставление указанных лиц в органы внутренних дел РФ (иные компетентные органы) для установления личности (п. 1 ч.1 ст.11). Однако удостоверить личность, установить личность и установить лицо, совершившее теракт не равнозначные понятия. Более того, подобные меры применимы и вне действия специального правового режима КТО.
2. Контроль телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов (п. 4. ч.1 ст.11) – тоже необходимая мера, способствующая раскрытию теракта, но не достаточная. Полученная таким образом информация от перечисленных источников, позволяет лишь выдвинуть версии о причастности лиц, подготовивших и совершивших теракт. Как справедливо отмечает Р.С. Белкин, «появление заподозренного лица (на лицо пало подозрение), как правило совпадает с окончанием этапа первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ... за которым следует этап доказывания» [2, с.182].
3. Использование транспортных средств, принадлежащих организациям, а в неотложных случаях и транспортных средств, принадлежащих физическим лицам для преследования лиц, подозреваемых в совершении террористического акта (п. 5 ч.1 ст.11). Однако подобные меры используются сотрудниками полиции для преследования лиц, подозреваемых в совершении преступлений и на основании ФЗ «О полиции» (п.37 ч.1 ст.13), а, следовательно, могут быть реализованы и вне специальных правовых режимов.

Таким образом, раскрытие теракта не является самоцелью правового режима КТО, предусмотренные им меры и временные ограничения исключительно создают необходимые условия для раскрытия преступления (теракта).

Профессор С.В. Маликов, рассматривая правовое обеспечение расследования преступле-

ний, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, отмечает, что наряду с особенностями уголовно-процессуального порядка район вооруженного конфликта включает в себя исключительный (особый) правовой режим, который здесь вводится. «На практике, – справедливо отмечает С.В. Маликов, – это обычно режимы проведения контртеррористической операции, военного и чрезвычайного положения. Основное их назначение – создание необходимых условий для стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка. Введение исключительного (особого) правового режима способствует и проведению надлежащего расследования преступлений» [7, с.94].

В этой связи представляется вполне обоснованным устранить имеющиеся противоречие в ч.1 ст. 11 Закона посредством исключения из ее диспозиции такой цели правового режима КТО как «*раскрытие*» теракта. По нашему мнению, ее правовая конструкция с учетом данного предложения должна иметь следующую форму: «В целях пресечения террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, *а также создание надлежащих условий для раскрытия террористического акта* по решению должностного лица, принявшего в соответствии с частью 2 статьи 12 настоящего Федерального закона решение о проведении контртеррористической операции, в пределах территории ее проведения может вводиться правовой режим контртеррористической операции на период ее проведения».

Настораживает в ч.1 ст. 11 Закона и несвойственная юридической технике законодательства о специальных правовых режимах диспозитивность норм. Как следует из содержания исследуемой статьи правовой режим КТО *может* вводиться руководителем, принявшим решение о проведении КТО. Как нам представляется, по степени категоричности правовых предписаний, приоритет должен быть предоставлен императивным нормам, обеспечивающих безусловное достижение всех целей правового регулирования – пресечение теракта, минимизацию его последствий. Выбор же конкретного комплекса мер и временных ограничений правового режима КТО или отдельных его мер и ограничений определяется руководителем контртеррористической операции исходя из конкретных, динамично меняющихся условий оперативно-боевой обстановки. В законе же определенность право-

вых норм имеет абсолютно противоположный вектор – «...правовой режим КТО *может вводиться...*», «...руководитель КТО *устанавливает* комплекс мер и временных ограничений, предусмотренных частью 3 статьи 11 настоящего Федерального закона».

Допустим, что КТО проводится вне правового режима КТО (*может вводиться* ч.1 ст. 11 Закона). Невозможно подготовить, спланировать и осуществить теракт вне системы управления действиями его исполнителей. Средствами такого управления являются средства связи, каналы телекоммуникационных систем. Согласно ч.2 ст.13 УПК РФ контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться только на основании судебного решения. Следовательно, получение информации о намерениях и действиях террористов из данных источников возможно только на основании судебного решения, что исключает оперативность в принятии управленческих антитеррористических решений, упреждение совершения других террористических актов. Кроме того, добытые без решения суда доказательства о причастности лиц к совершенным преступлениям, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, поскольку согласно ч.1 ст.75 данного Кодекса являются недопустимыми доказательствами.

Таким образом, теряет всякий правовой смысл и юридическое значение мера, предусмотренная п. 4. ч.1 ст.11 Закона, поскольку ее регулирующие воздействие приводит к столкновению с правовым предписанием ч.2 ст.13 УПК РФ, налицо конфликт действия норм права. Правило о приоритете норм специального закона над общим здесь не действует по причине отсутствия оговорки. Ситуацию изменил бы следующий технико-юридический прием в форме оговорки: «*контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных Законом (ч.2 ст.13 УПК РФ)*». Подобным случаем, является *правовой режим КТО*, одной из мер которого является контроль телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а

также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов (п. 4. ч.1 ст.11 Закона).

Реализация предлагаемого технико-юридического решения обеспечит корреляцию норм ФЗ «О противодействии терроризму» и УПК РФ.

Одновременно предлагаем изменить степень категоричности (определенности) предписаний данной правовой нормы посредством замены словосочетания «*может вводиться*» на «...*вводится* правовой режим контртеррористической операции...». Кроме того, в данной норме требуется устранить тавтологию посредством согласования пространственных и временных пределов действия режима КТО. Решение этой задачи видится в объединении союзом «и» двух компонент, например, «... *в пределах территории и на период ее проведения...*». Результатом предлагаемого обоснования может быть следующая редакция ч.1 ст. 11 Закона: «*В целях пресечения террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также создание надлежащих условий для раскрытия террористического акта по решению должностного лица, принявшего в соответствии с частью 2 статьи 12 настоящего Федерального закона решение о проведении контртеррористической операции, в пределах территории и на период ее проведения вводится правовой режим контртеррористической операции*».

Суть следующей проблемы, заявленной в рамках данного исследования состоит в том, что специальный правовой режим (правовой режим КТО) должен быть *самодостаточным*, а именно основания его введения, порядок реализации, предусмотренные им меры, временные ограничения, режимные правила должны охватывать своим регулирующим воздействием общественные отношения по борьбе с терроризмом без каких-либо дополнительных условий.

Так, ч.2 ст.11 Закона предусматривает обязательность *обнародования перечня временных мер и ограничений* в решении о введении правового режима КТО. Следует признать, что вводится или отменяется правовой режим КТО в целом, а не отдельные его части. Руководитель, принимающий такое решение определяет исключительно начало действия режима и его

пространственные пределы. Конкретные же меры и временные ограничения (содержание режима) и временные пределы действия режима определяются исходя из складывающейся оперативно-боевой обстановки, поэтому заранее быть установлены не могут. Юридический факт (решение руководителя о введении правового режима КТО) порождает правоотношения, содержанием которых в частности является выбор наиболее оптимального комплекса средств по борьбе с терроризмом, перечень которых является исчерпывающим (ч.3 ст.11 Закона). В этой связи целесообразно исключить имеющееся противоречие в ч.2 ст.11 Закона, а именно об указании «... и перечня применяемых мер и временных ограничений». Реализация данного технико-юридического решения посредством исключения конкретизации указаний содержания режимных правил обеспечивает эластичность правового режима КТО.

С учетом представленного обоснования ч. 2 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму» должна иметь следующую правовую конструкцию: *«Решение о введении правового режима контртеррористической операции (включая определение территории (перечня объектов), в пределах которой (на которых) такой режим вводится) и решение об отмене правового режима контртеррористической операции подлежат незамедлительному обнародованию».*

В буквальном толковании содержание ч.1 ст.12 Закона предусматривает одну единственную цель контртеррористической операции – пресечение террористического акта, однако, как было указано ранее п.5 ст.3 данного Закона устанавливает наряду с пресечением террористического акта еще 3 цели (обезвреживание террористов, обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений, минимизацию последствий террористического акта). Более того, как справедливо отмечает С.В. Баженов, «свыше 70% исследованных нами контртеррористических операций имело своей целью не пресечение террористического акта, а обезвреживание террористов уже после его совершения» [1, с.31]. Вполне обоснованным в связи с этим представляется предложение данного автора об изложении ч.1 ст. 12 Закона в следующей редакции: *«Контртеррористическая операция проводится для пресечения террористического акта, обезвреживания террористов, обеспечения безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также для минимизации последствий*

террористического акта, если достижение этих целей иными силами или способами невозможно».

Солидаризируемся с позиций С.В. Баженова и по вопросу необходимости изменения ч.1 ст. 17 данного Закона. Согласно действующей редакции «контртеррористическая операция считается оконченной в случае, если террористический акт пресечен (прекращен) и ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу и иным охраняемым законом интересам людей, находящихся на территории, в пределах которой проводилась контртеррористическая операция». Однако, как справедливо замечает автор, «контртеррористическая операция проводится в целях решения не одной, а четырех задач. Таким образом, если даже только одна из этих задач не решена или не исчерпаны все средства для ее решения, контртеррористическую операцию и ее оперативно-розыскное обеспечение нельзя считать оконченными» [1, с.32].

Действительно, регулирующее воздействие нормы ст. 17 Закона не охватывает случаи, когда террористический акт уже совершен, а операция проводилась для обезвреживания лиц его совершивших. Необходимо также учитывать, что она может быть проведена для задержания группы террористов, разыскиваемых за совершение террористических актов на территории другого региона или даже другого государства. Кроме того, если получена достоверная информация, что террористы каким-либо путем смогли покинуть территорию проведения контртеррористической операции, то ее продолжение теряет смысл. В ряде случаев угроза жизни и здоровью окружающих может быть только минимизирована, а не ликвидирована (в случае радиационного заражения местности). Если объектом нападения являлся, например, центр управления полетами, то существует угроза жизни и здоровью экипажей и пассажиров самолетов, находящихся в десятках и сотнях километров от территории, на которой проводится контртеррористическая операция.

То есть автор указывает на то, что территория, на которой проводится контртеррористическая операция может не совпадать с местом нахождения людей, жизни которых угрожает совершение террористического акта. Данное обстоятельство является значимым с точки зрения правового регулирования, поскольку прекращение контртеррористической операции как юридический факт в системе данных правоотношений порождается совпадением всех предус-

мотренных данной статьей условий: места, объектов защиты, отсутствие угроз.

Представляется обоснованным предложение С.В. Баженова изложить ч. 1 ст. 17 Закона в авторской редакции: «Контртеррористическая операция считается оконченной в случае, если террористический акт пресечен (прекращен) либо, несмотря на предпринятые меры, совершен; обезврежены все террористы, для задержания или уничтожения которых она проводилась, либо получена достоверная информация, что они смогли покинуть территорию, в пределах которой проводилась контртеррористическая операция; а также если ликвидирована либо минимизирована угроза жизни, здоровью, имуществу и иным охраняемым законом интересам людей, находящихся на территории, в пределах которой проводилась контртеррористическая операция, либо которым угрожали последствия проведения террористического акта».

В целом разделяя данную авторскую позицию, считаем возможным усовершенствовать ее правовую архитектуру. Во-первых, часть гипотезы «... либо, несмотря на предпринятые меры, совершен», по нашему мнению, является избыточной. Термин «прекращен» в данном случае является наиболее удачным и охватывает исследуемые С.В. Баженовым случаи. Пресечение и прекращение не являются словами синонимами, хотя в законе они воспринимаются внешне как равнозначные, объединенные скобками, в действительности представляя собой самостоятельные правовые конструкции. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно проанализировать содержание данных терминов.

Пресечь – положить конец чему-либо, прекратить что-либо путем применения энергичных, действенных мер [16, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/51952/пресечь> (дата обращения: 29.09.2015)]. В этом смысле пресечение террористического акта осуществляется силами и способами, определенными ст.3 Закона, а именно специальными, оперативно-боевыми, войсковыми и иными мероприятиями, осуществляемыми в комплексе с применением боевой техники, оружия и специальных средств.

Прекратить – прекращу, прекратишь, соверш (к прекращать), что и с инф. перестать что-нибудь делать; положить конец, предел чему-нибудь. Прекратить прения. Прекратить переговоры. Прекратить знакомство [16, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/968814> (дата обращения: 29.09.2015)].

Применительно к террористическому акту его прекращение может совпадать с фактом совершенного подрыва, поджога, несмотря на предпринятые меры по его предотвращению (совершение теракта террористом-смертником, ликвидация исполнителя теракта путем подрыва носимых им взрывных устройств с помощью дистанционного устройства контролером (куратором) теракта и т.п.). Это могут быть случаи, когда террористы перестали оказывать активное сопротивление по различным причинам (самоликвидация, закончились боеприпасы, разногласия в стане террористов относительно дальнейших действий, намерение сложить оружие и сдаться, попытка террористов скрытно уйти из района контртеррористической операции и т.д.). Конечно, подобные обстоятельства не прекращают проведение контртеррористической операции, а напротив предусматривают ее логическое завершение, до тех пор, пока не будет ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу людей. Возможно для достижения этой цели потребуется не только обезвредить, но и ликвидировать террористов.

В этой связи формулировка ст.17 Закона «Контртеррористическая операция считается оконченной в случае, если террористический акт пресечен (прекращен) и ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу ... людей» не вызывает нареканий. Сомнительной, без должной обоснованности представляется ее продолжение «... и иным охраняемым законом интересам».

Для того, чтобы выявить данное противоречие Закона, возьмем в качестве сравнения следующее основание – объекты правовой охраны и защиты, анализируемых статей, исследуемых в той же последовательности. Таковыми, во-вторых, выступает различный объектный состав:

- А) безопасность физических лиц, организаций и учреждений (п.5 ст3);
- Б) жизненно важные интересы личности, общества и государства (ч.1 ст.11);
- Г) жизнь, здоровье, имущество и иные охраняемые законом интересы людей (ч.1 ст.17).

Сравнительный анализ норм, проведенный по данному основанию выявляет несовпадение не только целевых установок в борьбе с терроризмом, но и собственно самих потенциальных *объектов террористических атак*. Угрозы указанным объектам законодатель связывает исключительно с единственным источником – террористическим актом. Так, наличие подобной взаимосвязи прослеживается в норме-дефиниции п.3.ст.3

Закона. Проанализируем ее содержание. Террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Таким образом, с уголовно-правовой позиции террористический акт – многообъектное преступление, направленное против неопределенно широкого круга общественных отношений и требует выделения основных и дополнительных непосредственных объектов.

Основным непосредственным объектом террористического акта являются те конкретные общественные отношения, содержание которых составляет общественная безопасность, которые поставлены под охрану уголовного закона и которым причиняется ущерб преступлением (террористическим актом). Дополнительный непосредственный объект – общественные отношения, содержанием которых является альтернативно: жизнь, здоровье личности; права собственности, не связанные с порядком распределения материальных благ; нормальное функционирование органов власти и международных организаций.

На основании изложенного можно констатировать, что *иные охраняемые законом интересы людей* являются абсолютно неопределенными объектами и не охватываются уголовно-правовой охраной закона, следовательно, должны быть исключены из ст. 17 Закона.

Обоснованность такого предложения подтверждается как правовой доктриной, так и действующим законодательством.

Из содержания ч.1 ст.17 Закона явствует, что носителем интереса являются люди (*иные охраняемые законом интересы людей*), следовательно, объектом правовой охраны выступает именно частный интерес, имеющий коллективный характер. Концептуально, «частные интересы характеризуют особенности отдельного субъекта, сферы, относящиеся к его частной жизни, в том числе межличностные отношения в семье, с друзьями, родственниками, коллегами, духовный мир человека и т.п.» [4, с.701]. Одним словом, частные интересы – отражение потребностей отдельных лиц.

Кроме того, за пределы «охраняемых законом интересов» необходимо вывести те ин-

тересы, которые обеспечены регулятивными субъективными правами. Таковыми по смыслу исследуемой статьи являются – жизнь, здоровье, имущественные права. Следовательно, единственным возможным объектом защиты со стороны закона выступают личные неимущественные интересы.

Исходя из содержания личных неимущественных интересов и содержания террористического акта как источника угрозы данной сфере общественных отношений, можно выявить их взаимосвязь и негативные последствия такого воздействия. Конечно, теракт влияет на психику, сознание и внутренний мир человека, на его взаимоотношения с другими людьми. Причем он охватывает как лиц, ставших непосредственными жертвами и пострадавшими от теракта, так и их родственников и всех сопереживающих им людей.

Однако если данные обстоятельства рассматривать в системе правоотношений по поводу борьбы с терроризмом в качестве основания прекращения контртеррористической операции, то критерии, по которым наличествуют угрозы данным интересам или отсутствуют определить невозможно. Выработать такое психологическое мерило (квоту), облеченные в правовую форму, подобно избирательной квоте, пока не удалось. И как свидетельствует состояние научных исследований в данной сфере, необходимость таких разработок никем не заявлялась.

В этой связи правомерно вести речь о том, что при совершении теракта люди заинтересованы в том, чтобы выжить, не стать в результате теракта инвалидом, по возможности сберечь свое имущество. Таким образом, это интересы, обеспеченные регулятивными субъективными правами, которые определены ч.1 ст.17 Закона: *право на жизнь, здоровье, имущественные права*. Какие-либо *иные*, кроме перечисленных, юридической науке и практике неизвестны.

Кроме того, в содержании «охраняемого законом интереса» как правовой категории Н.Н. Параскевов выделяет правомерное стремление субъекта пользоваться социальным благом и обращаться в необходимых случаях за его защитой [8]. В.В. Субочев в свою очередь в содержании законного интереса отмечает четыре основополагающих аспекта: а) законный интерес не существует вне стремления субъекта правоотношения к обладанию благом, способным удовлетворить его потребность; б) это стремление должно соответствовать существующим нормативным предписаниям, не противоречить

действующему законодательству; в) благо, к которому стремится субъект, не должно быть противоправным; г) законный интерес является самостоятельным объектом правовой охраны и защиты, несмотря на то, что лицо, обладающее им, не может потребовать удовлетворяющего его поведения от других лиц [12, с. 10-14].

На основании изложенного, – заключает А.А. Даньков, – можно утверждать, что предполагаемое наличие такой заинтересованности субъекта служит основанием для реализации права на возбуждение гражданского дела в суде с целью защиты прав или охраняемых законом интересов [3, с.39-40]. Или иными словами, наличие охраняемого законом интереса предполагает закрепление в объективном праве возможности его защиты в случае нарушения.

Так, законодательство Российской Федерации устанавливает, что помимо субъективных прав объектом правовой защиты в суде являются интересы. Согласно ст. 3 ГПК РФ всякое лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, или охраняемого законом интереса. В п. 1 ст. 4 АПК РФ говорится, что заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке, предусмотренном АПК РФ. Аналогичные по содержанию нормы содержатся в п.1.ст.4 КоАС РФ [6].

Из сказанного следует, что интересы, не обеспеченные притязанием и не защищаемые судом, не могут охватываться понятием «охраняемых законом интересов». Данный вывод очень важен с точки зрения функционирования механизма правового регулирования.

Так, в соответствии с ч.1 ст.17 Закона контртеррористическая операция считается оконченной в случае, если террористический акт пресечен (прекращен) и ликвидирована угроза ... иным охраняемым законом интересам людей.

Из сказанного можно выстроить следующую логическую цепочку умозаключений. Контртеррористическая операция продолжается до тех пор, пока не будет ликвидирована угроза ... иным охраняемым законом интересам людей. Угроза иным охраняемым законом интересам людей ликвидирована, нет притязаний. Нет притязаний, нет нарушений интересов. Нет нарушений, нет оснований обращаться в суд за защитой охраняемого законом интереса.

Таким образом, происходит блокирование механизма правового регулирования общественных

отношений по борьбе с терроризмом, поскольку используемые правовые средства для достижения социально полезных целей не соответствуют конечному результату. Достижение цели возможно лишь с помощью допустимого и достаточного комплекса юридических средств, зависящих от характера удовлетворяемого интереса.

В этой связи представляется единственно возможным устранить взаимоисключающие цели и не отвечающие характеру общественных отношений объекты правовой охраны и защиты.

На основании изложенного предлагается исключить «... *иные охраняемые законом интересы людей*...» из ч.1. ст. 17 Закона.

С учетом проведенного исследования и совпадающих позиций других авторов, ч.1 ст. 17 ФЗ «О противодействии терроризму» может быть сформулирована в следующей редакции: «*Контртеррористическая операция считается оконченной, когда террористический акт пресечен (прекращен) и ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу людей, находящихся на территории, в пределах которой проводилась контртеррористическая операция, либо которым угрожали последствия проведения террористического акта*».

Технико-юридическое изложение ст. 22 искомое Закона, по нашему мнению, нуждается в корректировке. Обратимся к ее содержанию.

Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными (ст.22 Закона).

Как нам представляется, абстрактная форма выражения вреда, условий его причинения и правомерности таких действий приводит к расширительному ее толкованию. Если такие формы причинения вреда как *лишение жизни лица, совершающего террористический акт и вред здоровью или имуществу такого лица*, не вызывают сомнений, то что понимать под *вредом иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства* остается открытым особенно в контексте определенных данной статьей условий, а именно при «пресечении террористического акта».

Более того, в существующем виде ее наименование (Правомерное причинение вреда)

отчасти соответствует ее содержанию и налицо отсутствие внутреннего единства составных частей (гипотезы и диспозиции) данной статьи. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно разложить данную норму на ее составные части.

Так, диспозицией ст. 22 Закона охватываются следующие деяния: лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства. При этом гипотеза нормы допускает возможным данные деяния исключительно при пресечении террористического акта и соответственно определяет условия правомерности подобных действий и связанных с ними последствий в виде вреда, которые в иных условиях являются противоправными. В представленной правовой конструкции норма является самодостаточной.

Однако если к диспозиции статьи добавляется следующее предписание «либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации», то возникает ряд обоснованных вопросов.

Первый, какая причинно-следственная связь между **действиями**, осуществляемыми в рамках **иных мероприятий по борьбе с терроризмом**, к которым по смыслу п. п. «б» п.4. ст.3 Закона относятся выявление, предупреждение, раскрытие и расследование террористического акта и наступившими последствиями (смерть террориста, ранение его в жизненно важные органы, разрушение его дома в результате пресечения теракта)? Очевидным является ответ – никакой.

Второй, как согласуется гипотеза статьи с ее диспозицией? Мероприятия по **выявлению и предупреждению** террористического акта всегда по времени *предшествуют* действиям по его пресечению, а **раскрытие и расследование** террористического акта возможно исключительно только *после его совершения*.

Таким образом, налицо порок действия нормы во времени не совпадающей с фактически предписываемыми или разрешенными действиями. Логика подобных умозаключений свидетельствует о наличии противоречия правового предписания, определенного ст. 22 Закона о «*правомерности действий, предписанных или разрешенных законодательством Российской Федерации*».

Кроме того, регулирующее воздействие нормы ст. 22 Закона **поглощает собой правовые предписания всех иных норм данного Закона**

и выходит за рамки рассматриваемого нормативного правового акта. Например, п.п.7 п.2 ст.13 исследуемого Закона предписывает, что руководитель контртеррористической операции отдает боевое распоряжение (боевой приказ) о применении группировки сил и средств. В этой связи правомерность его *действий по осуществлению мероприятий по борьбе с терроризмом* не вызывает никаких сомнений, так как они напрямую разрешены Законом. Другой пример, ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» предоставляет право Президенту Российской Федерации вводить комендантский час в качестве дополнительной меры борьбы с терроризмом в рамках объявляемого специального правового режима чрезвычайного положения при наличии террористических актов. Действия главы государства по осуществлению своих полномочий в данном случае тоже будут правомерными.

Следовательно, требуется устранить дублирование предписания правовой нормы в ст.22 Закона о **правомерности действий, предписанных или разрешенных законодательством Российской Федерации**. В этой связи предлагается исключить из ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» часть диспозиции нормы следующего содержания «... либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации...».

Выявленные в ходе исследования противоречия, несоответствия и пробелы правового регулирования позволили сформулировать следующие **предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации о противодействии терроризму**.

1. Устранить имеющиеся противоречия в ч.1 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму» посредством исключения *ошибочных целевых установок* (раскрытие террористического акта), изменить *степень категоричности (определенности) правового предписания* о введении правового режима КТО («может вводиться», заменить на «вводится»), а также согласовать пространственные и временные пределы действия правового режима КТО. Изложить ч.1 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму» с учетом данных предложений в редакции: «В целях пресечения террористического акта, минимизации его последствий и защиты жиз-

ненно важных интересов личности, общества и государства, а также создание надлежащих условий для раскрытия террористического акта по решению должностного лица, принявшего в соответствии с частью 2 статьи 12 настоящего Федерального закона решение о проведении контртеррористической операции, в пределах территории и на период ее проведения вводится правовой режим контртеррористической операции».

2. В целях корреляции норм ФЗ «О противодействии терроризму» и УПК РФ исключить из ч.2 ст.13 УПК РФ слово «только» и дополнить диспозицию статьи оговоркой, изложив в редакции: «контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных Законом».
3. Исключить из ч. 2 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму» предписание «..., и перечня применяемых мер и временных ограничений» и изложить в редакции: «Решение о введении правового режима контртеррористической операции (включая определение территории (перечня объектов), в пределах

которой (на которых) такой режим вводится) и решение об отмене правового режима контртеррористической операции подлежат незамедлительному обнародованию».

4. Исключить «... иные охраняемые законом интересы людей...» из ч.1. ст. 17 ФЗ «О противодействии терроризму», дополнить и изложить в следующей редакции: «Контртеррористическая операция считается оконченной, когда террористический акт пресечен (прекращен) и ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу людей, находящихся на территории, в пределах которой проводилась контртеррористическая операция, либо которым угрожали последствия проведения террористического акта».
5. Исключить из ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» часть диспозиции нормы следующего содержания «...либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации...». Представляется, что реализация данных предложений позволит обеспечить целостность системы правового регулирования противодействия терроризму и гармонизировать ее составные элементы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баженов С. В. Правовое регулирование оперативно-розыскного обеспечения контртеррористических операций органами внутренних дел // Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы) / Материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2013. – С. 29-36.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 2-е изд. доп. – 334 с.
3. Даньков А. А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия: дис. ... канд. юрид. наук.-М., 2014.-238 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева.-М., 2010. – 1675 с.
5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Рос. газ. – 2009. – 20 октября.-N 198.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
7. Маликов С. В. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта: Монография.-М., 2004. – 422 с.
8. Параскевов Н. Н. Законные интересы-объект уголовно-правовой защиты / Российский следователь.-2009.-N 7 // СПС КонсультантПлюс.
9. Сидоров А. С. Раскрытие преступлений – общая задача уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях: Материалы между-народной научно-практической конференции (1-2 ноября 2013 года),-Вып. 10. В 2 ч. Часть 2. – Тюмень: ТГАМЭУП, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://advokatsidorov.ru/raskrytie-prestuplenij.html>

10. Смахтин Е. В. Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом: Монография / Под общ. Ред. А. С. Подшибякина. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 232 с.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>
12. Субочев В. В. Законные интересы местного самоуправления: понятие, специфика и формы реализации // Муниципальная служба: правовые вопросы.-2013.-N 1.-С. 10 – 14.
13. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006.-N 11.-Ст. 1146.
14. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминалистический аспекты. Монография. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. – 196 с.
15. Халиков А. Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – 304 с.
16. Юридический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bazhenov S. V. Pravovoe regulirovanie operativno-rozysknogo obespecheniya kontrterroristicheskikh operatsii organami vnutrennikh del // Razvitie rossiiskogo voennogo zakonodatel'stva na sovremennom etape (itogi, problemy, perspektivy) / Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu obrazovaniya Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. – М., 2013. – С. 29-36.
2. Belkin R. S. Kriminalisticheskaya entsiklopediya. – М.: Megatron XXI, 2000. – 2-e izd. dop. – 334 s.
3. Dan'kov A. A. Obespechenie balansa publicnykh i chastnykh interesov v sfere pravosudiya: dis. ... kand. yurid. nauk.-М., 2014.-238 s.
4. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya: uchebno-prakticheskii kommentarii (postateinyi) / E. N. Abramova, N. N. Averchenko, Yu. V. Baigusheva [i dr.]; pod red. A. P. Sergeeva.-М., 2010. – 1675 s.
5. Kontseptsiya protivodeistviya terrorizmu v Rossiiskoi Federatsii (utv. Prezidentom RF 05.10.2009) // Ros. gaz. – 2009. – 20 oktyabrya.-N 198.
6. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 30.12.2015) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
7. Malikov S. V. Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh voennosluzhashchimi v raionakh vooruzhennogo konflikta: Monografiya.-М., 2004. – 422 s.
8. Paraskevov N. N. Zakonnye interesy-ob'ekt ugolovno-pravovoi zashchity / Rossiiskii sledovatel'.-2009.-N 7 // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Sidorov A. S. Raskrytie prestuplenii – obshchaya zadacha ugolovno-protsessual'noi i operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov v bor'be s prestupnost'yu v sovremennykh usloviyakh: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (1-2 noyabrya 2013 goda),-Вып. 10. V 2 ch. Chast' 2. – Tyumen': TGAMEUP, 2013. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://advokatsidorov.ru/raskrytie-prestuplenij.html>
10. Smakhtin E. V. Kriminalistika: sootnoshenie s ugolovnym i ugolovno-protsessual'nym pravom: Monografiya / Pod obshch. Red. A. S. Podshibyakina. – М.: YurLitinform, 2009. – 232 s.
11. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. N 683) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>
12. Subochev V. V. Zakonnye interesy mestnogo samoupravleniya: ponyatie, spetsifika i formy realizatsii // Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy.-2013.-N 1.-С. 10 – 14.
13. Federal'nyi zakon ot 06.03.2006 N 35-FZ (red. ot 31.12.2014) «O protivodeistvii terrorizmu» // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. – 2006.-N 11.-Ст. 1146.
14. Fridinskii S. N. Bor'ba s ekstremizmom: ugolovno-pravovoi i kriminalisticheskii aspekty. Monografiya. – Ростов-на-Дону: RYUИ MVD Rossii, 2004. – 196 s.
15. Khalikov A. N. Pravovye osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti. – М.: Izdatel'stvo «YurLitinform», 2007. – 304 s.
16. Yuridicheskii slovar'. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf>